

«Легкомысленные» верующие и «несовременные» уставы: к вопросу о деформации традиционных православных практик в позднесоветский период

А. В. Апанасенок¹ ✉

¹Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Резюме

Актуальность темы исследования связана с важностью историографического осмысления закономерностей развития традиционной конфессиональной культуры в условиях советской модернизации, а также необходимостью уяснения места православия в жизни советского социума позднесоветского периода.

Цель исследования: анализ изменений, произошедших в обрядовых практиках Руской православной церкви в позднесоветский период

Задачи: рассмотреть социокультурные предпосылки деформации культовой жизни православного сообщества, выявить особенности изменения наиболее распространенных православных практик, охарактеризовать причины этих изменений.

Методология. В процессе формирования фактологической базы статьи автором использовались традиционные методики архивной работы, а также методы полевых исследований – анкетирование, интервьюирование. Для систематизации данных применялись методы описания и исторической индукции, историко-статистический, историко-генетический методы.

Результаты. В работе рассмотрены социокультурные последствия воплощения социалистического проекта обновления общества в позднесоветский период, определившие изменения в отношении православно-ориентированных граждан к культовой жизни, проанализированы изменения в организации наиболее распространенных православных обрядов: крещения, церковного погребения, исповеди, исследованы причины изменения их традиционных форм.

Выводы. В статье делается вывод о том, что основные векторы деформации православных обрядов в позднесоветский период были связаны с приданием им секретного или заочного характера, сокращением, а также профанацией. Соответствующие изменения были обусловлены не только искусственными и естественными ограничениями, с которыми оказалась связана церковная жизнь, но и отсутствием систематических знаний о таинствах и догматике у подавляющего большинства прихожан.

Ключевые слова: история СССР; позднесоветский период; православные обряды; религиозные практики.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Апанасенок А. В. «Легкомысленные» верующие и «несовременные» уставы: к вопросу о деформации традиционных православных практик в позднесоветский период // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 119–132. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-119-132>.

Поступила в редакцию 30.06.2023

Принята к публикации 26.07.2023

Опубликована 30.08.2023

"Frivolous" Believers and "Non-Modern" Rules: on the Issue of Traditional Orthodox Practices Deformation in the late Soviet Period

Alexander V. Apanasenok¹ ✉

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/52 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research topic is connected with the importance of historiographical understanding of the patterns of traditional confessional culture development in the conditions of Soviet modernization, as well as the need to clarify the place of Orthodoxy in the life of Soviet society of the late Soviet period.

The purpose of the study: to analyze the changes that occurred in the rites of the Russian Orthodox Church in the late Soviet period

Objectives: to consider the socio-cultural prerequisites for the deformation of the Orthodox community cult life, to identify the features of changes in the most common Orthodox practices, to characterize the causes of these changes.

Methodology. In the process of forming the factual base of the paper the author used traditional methods of archival work, as well as methods of field research - questioning, interviewing. Methods of description and historical induction, historical-statistical, historical-genetic methods were used to systematize the data.

Results. The paper examines the socio-cultural consequences of the socialist project of the renewal of society implementation in the late Soviet period, which determined the changes in the attitude of Orthodox-oriented citizens to religious life, analyzes the changes in the organization of the most common Orthodox rites – baptism, church burial, confession, investigates the causes of changes in their traditional forms.

Conclusions. The author concludes that the main vectors of deformation of Orthodox rites in the late Soviet period were associated with giving them a secret or correspondence character, reduction, as well as profanation. The corresponding changes were caused not only by the artificial and natural limitations with which church life was connected, but also by the lack of systematic knowledge about the mysteries and dogmatics of the overwhelming majority of parishioners.

Keywords: history of the USSR; late Soviet period; Orthodox rites; religious practices.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Apanasenok A. V. "Frivolous" Believers and "Non-Modern" Rules: on the Issue of Traditional Orthodox Practices Deformation in the late Soviet period. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(4): 119–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-119-132>

Received 30.06.2023

Accepted 26.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

Традиционная конфессиональная культура в советскую эпоху столкнулась со множеством вызовов. Один из них – самый очевидный – оказался связан с ярко выраженной антирелигиозной позицией власти. Непосредственная борьба последней с «религиозными пережитками»

(которая в довоенный период выражалась в «воинствующем безбожии» и принудительном свертывании вероисповедных практик, а в послевоенное время – в системном ограничении прав церкви и верующих, а также массовом атеистическом воспитании) обстоятельно описана в научной литературе [1; 2; 3]. Однако имелись и другие факторы, несшие угро-

зу для конфессионального уклада, они были связаны с модернизационными процессами.

Еще с 1960-х гг. в научном мире под модернизацией принято понимать целенаправленную политику государства и сознательные усилия общества по обновлению и осовремениванию экономической, политической и социокультурной практики [4, р. 2]. Обычно она сопровождается урбанизацией и экспансией «городской» культуры, рационализацией картины мира, растущим доверием к науке, секуляризацией общественной жизни и уменьшением роли религиозных организаций. Это процесс, через который прошли в XIX–XX вв. Европа и Северная Америка, а также (хотя и в меньшей степени) некоторые другие регионы и страны мира [5; 6]. Независимо от отношения к религии со стороны власти модернизационные процессы в конечном итоге ограничивали место конфессиональной культуры в повседневной жизни граждан (подданных) той или иной страны, постепенно редуцируя общепринятые конфессиональные практики, оттесняя их на обочину повседневной жизни [7]. Модернизационные процессы влияют на традиционную культуру медленнее, чем адресные репрессивно-ограничительные меры государства, однако это влияние, как правило, более фундаментально.

Отечественная модернизация, с одной стороны, соответствовала вышеперечисленным признакам, а с другой – сознательно направлялась архитекторами советского проекта как сила, призванная разрушить традиционный конфессионально-бытовой уклад. Например, городская застройка в Советском Союзе преследовала цель не только разместить максимально возможное количество граждан в новых многоэтажных домах, но и сформировать для них совершенно новую культурную среду, в которой уже ничего не напоминало бы о традиционном, основанном на конфессиональных ценностях образе жизни. Впрочем, попытки вытес-

нить последний предпринимались и на уровне уже существовавших районов малых и средних городов, а также поселков. В 1960–1980-е гг. населенные пункты СССР активно застраивались новыми советскими сооружениями. Во многих случаях перестраивался исторический центр города или поселка, где прежде архитектурными доминантами выступали православные церкви. Теперь такими доминантами становились дворцы культуры, дворцы пионеров, дома советов, мемориальные комплексы и т. п. [8, с. 104–106] Новый городской ландшафт – продукт и в то же время фактор советской модернизации – часто не оставлял видимого места конфессиональным традициям.

Распространение современной нуклеарной семьи (которая постепенно начала доминировать над традиционной большой семьей и предполагала ослабление межпоколенческих связей), научно-атеистический характер образования и аналогичная ориентация учреждений культуры также явились вызовами модернизации по отношению к традиционному конфессионально-бытовому укладу. Последний мог поддерживаться с помощью семейного воспитания, однако для этого требовался достаточно высокий уровень «конфессиональной грамотности» у старших членов семей. У многих таковой отсутствовал: комментируя влияние модернизационных процессов на состояние православной культуры в позднем СССР, Д. В. Поспеловский говорит о фактической капитуляции значительной части старшего поколения в деле ретрансляции конфессиональных традиций [1, с. 397].

Все эти явления, наряду с нехваткой церквей и давлением власти, препятствовали воспроизводству религиозных практик в их «классической», принятой в предыдущие столетия форме. Неудивительно, что даже те граждане среднего и молодого возраста, которые в позднесоветский период продолжали считать себя верующими, уже не имели достаточной

«квалификации» в качестве прихожан. «Настольная книга священнослужителя» в 1983 г. указывала, что духовенство РПЦ постоянно сталкивается с такими «печальными фактами, как незнание основных молитв и Символа веры, непонимание смысла молитвенных таинств», а также с отсутствием церковной дисциплины, которое выражается в нерегулярном посещении служб, молчании во время общей молитвы [9, с. 268].

Естественно, что в изменившихся условиях не могли оставаться неизменными сложившиеся в предыдущие столетия формы церковной жизни, в том числе наиболее распространенные обряды. Процесс их изменения пока что слабо отражен в научной литературе. Между тем осмысление этого феномена довольно важно с точки зрения выявления закономерностей эволюции церковной жизни в Советском Союзе. В данной статье автор поставил перед собой цель проанализировать изменения, произошедшие в обрядовых практиках Руской православной церкви в позднесоветский период. Этот период оказался отмечен относительной стабильностью в государственно-церковных взаимоотношениях, что делает анализ информативным с точки зрения выявления естественных векторов эволюции внутрицерковной жизни. При этом предполагается рассмотреть социокультурные предпосылки деформации культовой жизни православного сообщества страны, выявить особенности изменения наиболее распространенных православных практик, охарактеризовать причины этих изменений.

Методология

В ходе формирования источниковой базы автором использовались документы Совета по делам религий (СДР) при Совете Министров СССР, содержащие разнообразные сведения о конфессиональных явлениях в жизни страны в 1960–1980-е гг. Архивные материалы были дополнены работами отечественных социо-

логов, в период позднего СССР отслеживавших пути эволюции православного сообщества, а также обширным трудом представителей Русской православной церкви – «Настольной книги священнослужителя». Последняя издавалась Московской патриархией в конце 1970-х – 1980-е гг. и является очень информативным источником по истории внутрицерковной жизни (в нашем случае весьма полезен оказался четвертый том указанного издания, изданный в 1983 г.). Значительный массив данных о функционировании православной культуры в Советском Союзе 1960–1980-х гг. был получен с использованием метода опросов (анкетирование, интервьюирование) представителей старшего поколения граждан России (в прошлом – граждан СССР), проживающих на территории Курской, Белгородской и Орловской областей. В 2021 г. автором статьи было организовано анкетирование на тему «Православные традиции в СССР», в ходе которого соответствующие анкеты заполнили 144 человека в возрасте от 52 до 88 лет. В анкету было включено 20 вопросов, ориентированных на выяснение особенностей бытования православной культуры в жизни «обычных» граждан СССР. Среди них были вопросы: «Сохранялись ли в Вашей семье православные традиции? Какие именно?», «Когда Вас крестили? По чьей инициативе? Каковы были мотивы крещения?», «Знаете ли (помните ли), как был организован процесс крещения?» и т. д. Семь граждан, заполнивших анкеты в 2021 г., дополнительно дали интервью с целью предоставления более развернутых ответов на сформулированные вопросы. Эти ответы также были учтены при подготовке статьи.

Для обработки и интерпретации полученных сведений автором использовались методы описания и исторической индукции, а также историко-статистический и историко-генетический методы.

Результаты и их обсуждение

«Какие бы составляющие современного православного культа, используемого Московской патриархией, мы ни рассмотрели, практически везде можно обнаружить сочетание старого и нового», – писал в 1988 г. автор книги «Современное русское православие» Н. С. Гордиенко [10, с. 275]. Действительно, в позднесоветский период стало очевидно, что многие традиционные религиозные практики деформировались под влиянием тех изменений, которые произошли в обществе.

Весьма информативной с точки зрения исследования эволюции культовой жизни православно ориентированных граждан СССР является история обряда крещения. Общеизвестно, что в христианском мире этот обряд является первым и при этом важнейшим для приобщения к церкви таинством. Совершение его над ребенком проявляет если не веру, то как минимум сохраняющуюся культурную связь родителей с православием. В Советском Союзе этот обряд проводился чаще, чем любой другой [11, с. 179]. Например, в аналитической справке Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1967 г. говорилось, что на него приходится около половины всех религиозных обрядов, совершаемых в стране, а также что крещение «по своему религиозному воздействию... оказывает наиболее вредное влияние» на молодежь с точки зрения ее атеистического воспитания, т. к. создает предпосылки для последующей церковной жизни [12, л. 105]. Даже если представители СДР несколько преувеличивали долю крещений в структуре всех обрядов, трудно поспорить с самым утверждением об исключительной значимости этого христианского таинства.

Крещение, будучи самым распространенным обрядом, совершавшимся в отношении большинства проживавших в традиционно православных регионах СССР граждан, не могло не отразить осо-

бенности эволюции религиозной жизни масс. Н. Шлихта, анализируя изменения, произошедшие в хрущевский период в практике крещения в СССР, указывает на стремительный рост количества секретных (т. е. не регистрировавшихся официально) обрядов, распространение практик крещения не-младенцев и коллективного введения в Церковь [13, с. 384–386]. Эти явления неплохо отражены в анкетах, собранных в ходе наших полевых исследований. Так, из 95 информантов, что-либо знавших и написавших об обстоятельствах первого таинства в своей жизни, 34 указали, что были крещены в домашних условиях. 17 человек заметили, что были крещены не сразу, а «в детстве» (указывался возраст от 1 года до 8 лет). Некоторые особо подчеркнули секретность обряда. Как написала выпускница института марксизма-ленинизма, в конце 80-х годов сжегшая свой диплом и ставшая примерной прихожанкой одного из курских храмов, «крещена была в 7 лет. Крещение было проведено... с помощью тетушек. Все было покрыто тайной, отец был парторгом в колхозе»¹. Слова «тайно» и «секретно» («тайное», «в тайне», «в секрете») при описании этого обряда встретились в 29 анкетах. В некоторых случаях говорится о том, что в тайне сохранялись имена восприемников. «Крестили на дому у подруги бабушки, так как она открыто ходила в храм, и священник приходил к ней домой. Кто был восприемниками – не знаю. Были “названные” крестные – моя тетя и первый тренер отца»².

Про коллективное крещение упоминается в шести анкетах, причем описаны случаи такового как в домашних условиях, так и в храме. Например, уроженка

¹ Анкета Н. Я. Надеиной, 1942 г.р. // Архив проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940 – 1980-е гг.» 2021 (анкеты) (далее – АП СИПР, 2021 (а)).

² Анкета С. В. Пискаревой, 1964 г.р. // АП СИПР, 2021 (а).

г. Орла вспомнила, что была крещена в возрасте шести лет (в 1967 г.) в деревне у родственников. Там не было действующей церкви, но периодически приезжал священник. «Он останавливался в каком-либо доме, а люди привозили туда детей покрестить. Нас было несколько во время крещения»¹. Курянин 1970 г.р. (крещеный примерно в таком же возрасте во время поездки на Украину) во время интервью в 2021 г. вспомнил, что его крестили одновременно с довольно большим количеством людей («несколько младенцев, еще пара рябят примерно моего возраста и один пожилой мужчина»)².

Серьезные деформации, которые переживал обряд крещения из-за нехватки священнослужителей и стремления граждан к секретности, лаконично описаны в информационном отчете СДР 1972 г. В частности, тут можно обнаружить такие строки: «В некоторых местах еще имеют место случаи совершения тайных обрядов заштатными священниками, монашескими и просто верующими фанатиками. В Архангельском соборе одна женщина поинтересовалась, как окрестить ребенка, не являясь в храм. Старушка, продававшая свечи, объясняла: пусть окрестит бабушка, а потом привезете ребенка, и священник сделает только миропомазание. Для крещения на дому нужно взять в церкви "святой" воды. Так давно делаем» [14, л. 222].

Описанные явления – секретность обряда, крещение не-младенцев, распространившиеся в рассматриваемый период, были в значительной мере обусловлены государственной антирелигиозной политикой. Коллективный характер некоторых таинств, вероятно, также вытекал из

искусственного ограничения количества священнослужителей, а также позволял гражданам не привлекать к себе особого внимания. Если говорить о деформациях, не связанных непосредственно с наличием государственного прессы, нужно отметить сокращение процедуры крещения и явное снижение требований, предъявляемых к крестным родителям. «Процесс крещения очень отличался от наших времен (современных): батюшка совершил помазание церковным маслом, прочитал буквально несколько молитв, надел крестик и все», – написала в анкете женщина 1971 г. р., крестившаяся в сознательном возрасте незадолго до распада СССР³. Судя по имеющимся данным, этот случай не был исключительным: процесс крещения представителей ее поколения часто оказывался довольно коротким. В той части «Настольной книги священнослужителя» (1983 г.), где описывается это таинство, можно найти подтверждение распространившегося сокращения священниками чина из-за «несовременности». В частности, здесь говорится: «Чинопоследование оглашения включает в себя обряд запрещения и изгнания нечистых духов (экзорцизм), следующий непосредственно за первой молитвой. Некоторые священники полагают, что эти запрещения являются “пережитком” темного Средневековья, чуждым нашему просвещенному времени, и поэтому опускают большую часть запрещений». Заключается сетование категорическим предписанием: «Пропускать чин запрещения нечистых духов не следует не только при крещении взрослых, но и младенцев» [9, с. 218–219].

Вероятно, сокращение чина было связано не столько с подходом самих священнослужителей, сколько с уровнем церковного образования прихожан. Большинство из обращавшихся за крещением своих детей, не будучи с детства приобщены к приходской жизни, не были

¹ Анкета Н. В. Зориной, 1961 г.р. // АП СИПР, 2021 (а).

² Запись беседы с Александром Васильевичем Т., 1970 г.р. // Архив проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940 – 1980-е гг.» 2021 (интервью) (далее – АП СИПР, 2021 (и)).

³ Анкета А. В. Бугаковой, 1971 г.р. // АП СИПР, 2021 (а).

готовы к участию в длинных непонятных обрядах, содержание которых (например, в части отречения от злых духов) казалось им нелепым. Составители информационного отчета СДР за 1974 г. приводят в этом документе жалобы священников, сетовавших не только на духовную неподготовленность множества граждан к таинству, но и на незнание последними правил поведения в церкви [15, л. 104]. Распространенными были указания и на «легкомысленное» отношение к обряду со стороны людей, не являвшихся регулярными посетителями церковных служб, их жалобы на то, что церковные уставы «устарели» (т. е. не соответствуют требованиям современной жизни, в которой человек ведет светский образ жизни). «Они не прочь торжественно зарегистрировать своего ребенка, чтобы получить подарки от коллектива и после этого по совету верующих родственников понести ребенка в церковь», – читаем в аналитической справке СДР за 1968 г. характеристику распространенного типажа граждан, комбинируя советские и православные ритуалы в отношении новорожденных [16, л. 80]. Описания такой модели поведения можно прочесть в публикациях советских социологов и религиоведов последующих лет [17; 18; 19]. Составляя значительную часть тех, кто обращался к священникам, люди с таким образом мысли вольно или невольно влияли на постепенную деформацию обряда.

Очевидно, те же самые причины определили и фактическое снижение уровня требований к восприемникам (кумовьям), а также сказались на взаимодействии клириков с ними. Как известно, в соответствии с каноническими предписаниями восприемниками могут выступать верующие люди православного исповедания, сознательно вникающие в смысл Священного Писания, таинств и священнодействий церкви и понимающие смысл крещения в соответствии с церковным учением. Однако в 1983 г. автор соответствующего раздела «Настольной книги

священнослужителя» ограничивался предписанием клирикам выяснить, крещены ли будущие крестные родители и верят ли они в Бога [9, с. 235]. «На практике священнослужители никаких проверок на религиозность восприемникам не устраивают, так как им заранее известно, что большинство крестных родителей ни с содержанием Библии не знакомы, ни Символа веры не знают, а некоторые вообще являются людьми неверующими и, следовательно, не будут осуществлять последующее религиозное воспитание своего крестника или крестницы», – писал по этому поводу уже упоминавшийся Н. С. Гордиенко [10, с. 289]. Не исключено, что, будучи автором-атеистом, он несколько сгустил краски, но в принципе отвергнуть справедливость его замечания трудно. Кроме уполномоченных СДР, регулярно отмечавших нетребовательность большинства граждан в деле подбора «кумовьев» (среди которых порой оказывались и далекие от церкви коммунисты) [12, л. 106–09], фактически подтвердили падение традиционной значимости фигур восприемников и опрошенные нами граждане. Характерно, что из множества респондентов, заполнивших нашу анкету в 2021 г., лишь один указал на значительную роль крестных родителей в деле его приобщения к православной культуре.

Другим обрядом жизненного цикла, испытывавшим существенное влияние модернизационных процессов, стали церковные похороны. Традиционные (очные) похороны стали сокращаться. Согласно канонам, при панихиде и погребении положено петь псалом 118, состоящий из разбитых на три части 176 стихов. На практике же во время панихиды в позднесоветский период этот псалом чаще всего не воспроизводился вообще, а на погребении исполнялись по 2–3 стиха из каждой части. Такого рода сокращения имели место и при прощании с умершим (во время «последнего целования») [10, с. 281].

Еще более значительный разрыв с традицией православной организации похорон произошел в силу распространения заочных отпеваний. Ритуал заупокойного богослужения составлен исходя из ситуации, когда священнослужитель совершает отпевание над покойником, находящимся в храме. Однако еще в 1930 г. Русской православной церкви пришлось пойти на исключительную меру: местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) и Св. Синод приняли постановление, разрешавшее приходскому духовенству совершать заочное отпевание «если этого требуют обстоятельства» [20, с. 1]. Обстоятельства требовали таких мер прежде всего тогда, когда у верующих не было возможности оперативно обратиться к священнослужителю либо они не хотели открыто демонстрировать такого рода обращения. В рассматриваемый нами период условия для резкого увеличения количества заочных отпеваний создала хрущевская антирелигиозная кампания, в ходе которой количество действующих церквей резко сократилось, а контроль за религиозной жизнью многих категорий граждан усилился. Видимо, в результате хрущевской антирелигиозной кампании количество заочных отпеваний стало превышать количество очных. По крайней мере, в 1970-е гг. это превышение было зафиксировано всесоюзной статистикой. Так, по данным СДР, в 1972 г. по церковному обряду было похоронено 48,6% умерших граждан, из них 15,9% были отпеты очно, а 32,7% – заочно. В 1977 г. очно было отпето 14,3%, заочно – 30% умерших [21, л. 12]. Здесь обращает на себя внимание весьма серьезная (более чем двукратная) разница между количеством заочных и очных отпеваний.

Популярность заочной церемонии отпевания в позднем СССР можно объяснить тем, что ее нельзя было контролировать. Кроме того, нужно вспомнить, что современной городской культуре (которая начала доминировать в СССР как раз

в рассматриваемый период) присуще стремление «отодвигать проблему смерти», а ее представителям – по возможности избегать вида мертвых и мыслей о них [22]. Думается, что многие граждане (особенно горожане), обращаясь к священникам для заочного отпевания умерших родственников, вольно или невольно исходили из такого рода мотивов. Это предположение подтверждается и «Настольной книгой священнослужителя», в 1980-е гг. фиксировавшей нежелание прихожан соприкасаться со смертью, но призывавшей все равно совершать чин погребения по уставу: «Мы стремимся поскорее уйти от гроба как неприятного зрелища смерти. По маловерию своему и духовной лени мы забываем, что нет ничего более утешительного для души усопшего, как теплое моление о нем близких и любящих его людей... Чин погребения, совершенный по уставу, без сокращений и искажений, облегчает скорбь близких...» [9, с. 281].

Еще одним характерным проявлением деформации православных практик в позднесоветский период стало распространение коллективной исповеди. Традиционное индивидуальное таинство покаяния во множестве случаев оказалось заменено массовыми актами, в ходе которых священник читал специальный текст, перечисляя вслух наиболее распространенные грехи, а верующие, пришедшие на исповедь, должны были в них каяться. В завершение обряда произносилась разрешительная молитва. В четвертом томе «Настольной книги священнослужителя» это явление представлено как данность [9, с. 244].

Говоря о генезисе этой деформации, надо отметить, что коллективная исповедь появилась достаточно давно. Она периодически практиковалась в дореволюционной России, однако рассматривалась как неординарное, обусловленное необычными обстоятельствами явление. Так, ввиду большого количества желающих попасть на исповедь к о. Иоанну

Кронштадтскому, Св. Синод разрешил знаменитому проповеднику проводить ее коллективно. Общая исповедь практиковалась во время массовых крестных ходов, а также у солдат во время боевых действий [23, с. 598–602]. Но о том, что бы сделать общее исповедание повседневной нормой, подавляющее большинство священнослужителей в начале XX в. не думали. Например, из более полусотни членов Богослужебного отдела Поместного собора 1917–1918 гг. лишь четверо высказались за то, чтобы «узаконить» коллективную исповедь в таком качестве [24, с. 16]. Будущий патриарх Алексий на одном из заседаний Св. Синода в 1944 г. выражал обеспокоенность участвовавшими случаями коллективной исповеди, утверждая, что такое искажение чина опасно для церковной жизни. В частности, владыка говорил, что «небрежное отношение к исповеди влечет за собой такое же отношение к таинству причастия» [25, л. 100]. Против такого отступления от литургических традиций без крайней нужды выступали православные архиереи «старого закала» и в послевоенный период, что видно из документов весьма авторитетного митрополита Ленинградского Григория (Чукова) [26, л. 57].

Несмотря на обеспокоенность архи-
ереев, масштабы коллективной исповеди
в советский период росли, а во второй
половине 1960-х гг. представители СДР
стали указывать на широкое распростра-
нение этой практики. Такая деформация
рассматривалась Советом как выражение
стремления православного духовенства
увеличить силу воздействия на прихожан,
а также охватить максимальное количе-
ство людей. Чтобы подтвердить эти сооб-
ражения, составители информационного
отчета о состоянии православия в 1967 г.
цитируют настоятеля церкви г. Майкоп,
рассказывавшего, что на общую испо-
ведь, особенно в первую неделю Велико-
го поста, «ставится по 500–800 человек,
которых священник призывает каяться в
грехах и просить прощения. Такое обще-

ственное участие в покаянии оказывает на верующих более сильное воздействие, чем при индивидуальной исповеди. С другой стороны, общая исповедь достигает поголовного охвата верующих и дает большой доход церкви» [27, л. 35].

Помимо этого грубовато-наивного объяснения можно привести как минимум еще две причины, заставлявшие священников обращаться к общему исповедованию. Во-первых, в условиях дефицита храмов и нехватки клириков (которая стала ощущаться особенно остро по итогам хрущевской антирелигиозной кампании) оно порой оказывалось единственно возможной формой организации исповеди для большого количества прихожан. Во-вторых, эта форма давала возможность одновременно проводить своеобразный церковный «ликбез» для людей, бывавших на богослужениях редко. Религиозное просвещение граждан в стенах храма приветствовалось церковным руководством: было понятно, что наряду с глубоко верующими людьми сюда приходят и люди, мало приобщенные к церковной жизни, в том числе собравшиеся совершить свою первую в жизни исповедь. В пособии для священнослужителей подчеркивалось, что большинство прихожан относится к категории мало- или среднеквалифицированных рабочих, служащих и крестьян, не искушенных в тонкостях христианского учения, «совершенно лишенных систематических знаний о Церкви, таинствах и догматике». В таких условиях пастырь в первую очередь должен был «за каждой исповедью стараться хотя бы в минимальной степени разъяснять основные истины христианства» [9, с. 249].

Возвращение к традиционным практикам исповеди зависело не только от церковных кругов, но и от самих прихожан. Последние, видимо, в большинстве своем не были к этому готовы, на что указывают и результаты наших полевых исследований. В текстах анкет, обработанных нами в 2021 г., слова «исповедь»

и «покаяние» встретились всего 11 раз. Возможно, такая статистика свидетельствует о том, что соответствующее таинство (несмотря на свою неразрывную связь с таинством причастия) обычно не рассматривалось заполнявшими анкеты людьми как один из центральных элементов в их церковной жизни. При этом в четырех случаях информантами была отмечена их неготовность исповедоваться в советское время («к исповеди ходить стеснялась», «ходили на службу без исповеди», «бабушка звала на исповедь, но я не решалась», «исповедоваться не знал как»). Видимо, следует отчасти согласиться с автором изданной в 1989 г. книги «Современное русское православие», написавшим, что общая исповедь практикуется не только по инициативе приходского духовенства, стремящегося сэкономить время, но и по настоянию прихожан, не умеющих или не желающих исповедоваться поодиночке» [10, с. 291].

«Дух времени» отразился не только на форме исповеди, но и на ее содержании. Судя по текстам пособия для священнослужителей, в позднесоветский период священнослужителям предлагалось во время исповеди обстоятельно обсуждать с прихожанами вопросы, ставшие актуальными именно в советский период. Среди них значились проблемы отношения к коллективной (или государственной) собственности, спекуляции, разводов, аборт [9, с. 272–280].

Впрочем, трансформация православных практик в позднесоветский период не всегда выражалась в их редукции или «осовременивании». Стремление верующих защитить свое право на конфессиональную жизнь порой выражалось в проведении богослужебных церемоний мирянами. Чаще всего эти церемонии организовывались подпольно в закрытых церквях (многие из которых, будучи конфискованными во время хрущевской антирелигиозной кампании, никак не использовались) [13, с. 391]. Количество «захватов» пустующих церквей (в основ-

ном сельских) возрастало во время церковных праздников, прежде всего Рождества и Пасхи. Богослужения в этих случаях проводились мирянами из-за отсутствия духовенства или неготовности священников совершать незаконные (с точки зрения власти) действия. Указания на такие действия все чаще появляются в документах СДР в 1960–70-е гг. и к началу 1980-х гг. становятся нормой. Например, в информационной справке для ЦК КПСС, характеризующей празднование верующими Пасхи в 1983 г., можно прочитать, что «в ряде областей страны... наблюдались попытки верующих провести коллективные моления в закрытых церквях». Больше всего нелегальных молений было на Украине – судя по справке, такие факты на тот момент имели место в двадцати населенных пунктах республики [28, л. 85].

Естественно, такие «беспоповские» (по форме) практики мало соответствовали уставным требованиям, основываясь преимущественно на имеющихся у церковного актива представлениях о том, как должны проходить службы, а также на знании мирянами какого-то количества молитв. По существу, они означали профанацию богослужения – явление нежелательное, но вынужденное с точки зрения тех, кто оказывался его акторами.

Выводы

Итак, взгляд на бытование православной культуры в позднем СССР городе через призму наблюдений современников – исследователей, священнослужителей, обычных прихожан – убеждает, что традиционные конфессиональные практики были обречены на деформацию и/или редукцию. Социалистический проект обновления общества привел к формированию «безрелигиозных» городских ландшафтов, дефициту общения с представителями церкви и утверждению моделей секулярного поведения, падению уровня церковной грамотности даже у тех граждан, которые не переставали

считать себя верующими. Искусственные и естественные ограничения, с которыми оказалась связана церковная жизнь, отсутствие систематических знаний о таинствах и догматике у подавляющего большинства прихожан обусловили изменения в организации наиболее распространенных православных обрядов. Эти изменения ярко отразились в практиках православного крещения, погребения, исповеди.

Нехватка священнослужителей, а также нежелание граждан афишировать свое участие в церковной жизни обусловили стремительный рост количества секретных (т. е. не регистрировавшихся официально) обрядов, распространение практик крещения не-младенцев, коллективного крещения и коллективной исповеди, а также заочного отпевания.

Падение уровня церковного образования большинства прихожан, их стремление выглядеть «современными» людьми привело к сокращению процедуры крещения и явному снижению требова-

ний, предъявляемых к крестным родителям. Большинство граждан, обращавшихся в церковь для крещения своих детей, родителей и их будущих «кумовьев», не будучи с детства приобщены к приходской жизни, оказывались не готовы к участию в длинных обрядах, содержание которых местами казалось им нелепым. В силу той же причины стали сокращаться и традиционные (очные) церковные похороны.

Впрочем, трансформация православных практик в позднесоветский период не всегда выражалась в их редукции или «осовременивании». Стремление верующих защитить свое право на свободу вероисповедания при нехватке действующих храмов порой выражалось в проведении богослужебных церемоний мирянами. Такие факты указывали, с одной стороны, на нереализованную тягу какой-то части граждан к православной культуре, а с другой – на разрушительные процессы в традиционной церковной жизни, приводившие в том числе к профанации.

Список литературы

1. Пospelовский Д. В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
2. Одинцов М. И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М.: ЦИНО, 2002. 310 с.
3. Шкаровский М. В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. 478 с.
4. Eisenstadt S. Modernization: protest and change. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1966. 166 p.
5. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. М.: АСТ, 2004. 1237 с.
6. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
7. Кокс Х. Мирской Град. Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: Слово, 1995. 263 с.
8. Купцова И. А. Советский проект модернизации провинциальной культуры: достижения и издержки // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 617. С. 104–106.
9. Настольная книга священнослужителя. Т. 4. М.: Изд-во Московской патриархии, 1983. 824 с.
10. Гордиенко Н. С. Современное русское православие. Л.: Лениздат, 1988. 302 с.

11. Апанасенок А. В., Пудякова И. С. «Записывайте и в книгу, я не боюсь»: обряд православного крещения и советская культура в 1940–1980-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 177–190.
12. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. (Совет по делам религий при Совете Министров СССР).
13. Шлихта Н. В. «От традиции к современности»: православная обрядность и праздники в условиях антирелигиозной борьбы (на материалах УССР, 1950–1960-е гг.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. №3–4 (30). С. 380–407.
14. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 801.
15. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305.
16. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 154.
17. Кобецкий В. Д. Обряд крещения как проявление религиозности // Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 161–173.
18. Серебряков Ю. Г. Религиозность сельского населения и задачи атеистической пропаганды. Чебоксары: ЧКИ, 1972. 39 с.
19. Филимонов Э. Беседы по вашей просьбе: что происходит с религией, ее обрядами и традициями в наши дни? // Известия. 1981. 8 октября.
20. О «заочном» отпевании умерших // Журнал Московской патриархии. 1931. № 4. С. 1.
21. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1828.
22. Вангородская С. А. Отношение к смерти в современном обществе: культурно-исторические особенности и влияние на самосохранительное поведение // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019, №3. С. 386–395.
23. Шавельский Г., протопресвитер. Православное пастырство. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1996. 679 с.
24. Киценко Н. Исповедь в советское время // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 10–33.
25. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2а.
26. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 34а.
27. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 152.
28. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2494.

References

1. Pospelovskij D. V. Russkaya Pravoslavnaya cerkov' v XX veke. [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 511 p.
2. Odincov M. I. Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom [The Russian Orthodox Church in the XX Century: History, relations with the state and society]. Moscow, CINO Publ., 2002. 310 p.
3. Shkarovskij M. V. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Veche Publ., 2010. 478 p.

4. Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall Publ., 1966. 166 p.
5. Travin D., Marganiya O. Evropejskaya modernizaciya [European modernization]. Moscow, AST Publ., 2004. 1237 p.
6. Poberezhnikov I.V. Perekhod ot tradicionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizacii [Transition from traditional to industrial society: theoretical and methodological problems of modernization]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 240 p.
7. Koks X. Mirskoj Grad. Sekulyarizaciya i urbanizaciya v teologicheskom aspekte [Mirskoj Grad. Secularization and urbanization in the theological aspect]. Moscow, Slovo Publ., 1995. 263 p.
8. Kupcova I. A. Sovetskij proekt modernizacii provincial'noj kul'tury: dostizheniya i izderzhki [The Soviet project of modernization of provincial culture: achievements and costs]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Series: Humanities*, 2011, no. 617, pp. 104–106.
9. Nastol'naya kniga svyashchennosluzhitelya [The Clergyman's Handbook]. Vol. 4. Moscow, Izd-vo Moskovskoj Patriarii Publ., 1983. 824 p.
10. Gordienko N.S. Sovremennoe russkoe pravoslavie [Modern Russian Orthodoxy]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1988. 302 p.
11. Apanasenok A. V., Pudyakova I. S. "Write it Down in the Book, I'm Not Afraid": The Rite of Orthodox Baptism and Soviet Culture in the 1940s – 1980s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2022, no. 12(3), pp. 177–190.
12. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 6991, op. 5, g. 152.
13. Shlihta N. V. "Ot tradicii k sovremennosti": pravoslavnaya obryadnost' i prazdniki v usloviyah antireligioznoj bor'by (na materialah USSR, 1950-e – 1960-e gg.) ["From Tradition to Modernity": Orthodox Rites and celebrations in the conditions of anti-religious struggle (based on the materials of the Ukrainian SSR, 1950s – 1960s)]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom* = *State, religion, Church in Russia and abroad*, 2012, no. 3-4 (30), pp. 380–407.
14. GARF, f. 6991, op. 5, d. 801.
15. GARF, f. 6991, op. 5, d. 1305.
16. GARF, f. 6991, op. 5, d. 154.
17. Kobeckij V. D. Obryad kreshcheniya kak proyavlenie religioznosti [The rite of baptism as a manifestation of religiosity]. *Konkretno-sociologicheskoe izuchenie sostoyaniya religioznosti i opyta ateisticheskogo vospitaniya* [A concrete sociological study of the state of religiosity and the experience of atheistic education]. Moscow, MGU Publ., 1969, pp. 161–173.
18. Serebryakov Y. G. Religioznost' sel'skogo naseleniya i zadachi ateisticheskoy propagandy [The religiosity of the rural population and the tasks of atheistic propaganda]. Cheboksary, CHKI Publ., 1972. 39 p.
19. Filimonov E. Besedy po vashej pros'be: chto proiskhodit s religiej, ee obryadami i tradiciyami v nashi dni? [Conversations at your request: what is happening with religion, its rituals and traditions these days?]. *Izvestiya* = *News*, 1981, October 8.
20. O "zaochnom" otepevanii umershih [About the "correspondence" funeral service of the deceased]. *Zhurnal Moskovskoj patriarii* = *Journal of the Moscow Patriarchate*, 1931, no. 4, p. 1.

21. GARF, f. 6991, op. 5, d. 1828.
22. Vangorodskaya S. A. Otnoshenie k smerti v sovremennom obshchestve: kul'turno-istoricheskie osobennosti i vliyanie na samosohranitel'noe povedenie [Attitude to death in modern society: cultural and historical features and influence on self-preservation behavior]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo = Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 2019, no. 3, pp. 386–395.
23. Shavel'skij G., protopresviter. Pravoslavnoe pastyrstvo [Orthodox Pastoral care]. St. Petersburg, Izd-vo Russkogo hristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 1996. 679 p.
24. Kicenko N. Ispoved' v sovetskoe vremya [Confession in Soviet times]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom = State, religion, Church in Russia and abroad*, 2012, no. 3-4 (30), pp. 10–33.
25. GARF, f. 6991, op. 2, d. 2a.
26. GARF, f. 6991, op. 2, d. 34a.
27. GARF, f. 6991, op. 3, d. 152.
28. GARF, f. 6991, op. 6, d. 2494.

Информация об авторе / Information about the Author

Апанасенок Александр Вячеславович,
доктор исторических наук, профессор, веду-
щий научный сотрудник, Институт научной
информации по общественным наукам Рос-
сийской академии наук, г. Москва, Россий-
ская Федерация,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Sciences
(Historical), Professor, Leading Researcher, Insti-
tute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730